

ПЕТЕР ВАЙС ОБВИНЯЕТ

Сцена без декораций. Их «нагрузку» берет на себя музыка. В течение двух часов без перерыва спектакль идет под аккомпанемент причудливых африканских ритмов. Иногда из этих ритмов как бы вырывается мелодия в стиле «каллипсо», иногда — песня на манер Бертольда Брехта, одновременно озорная и щемящая. Когда со сцены произносятся свои монологи угнетенные, музыка завораживает почти до гипнотического состояния. Когда слово берут «пугала», она раздражает слух, подобно звукам ножа, острием которого водят по пустой тарелке.

Стокгольмский театр «Скала» поставил новую пьесу шведского драматурга Петера Вайса «Песня о пугале». Сам автор, объясняя этот заголовок, сказал, что речь идет о «лузитанском пугале» (Лузитания — древнее название Португалии). А тема или, вернее, темы его пьесы: португальский колониализм, истерзанная Ангола, силы, которые поддерживают прогнившую салазаровскую империю в Африке, революционный подъем африканских патриотов. Пе-

ред зрителем чередой проходят измученный шахтер и напыщенный генерал, униженный слуга и головорез в португальской военной форме, велеречивые епископы, светские львицы, толстосумы из западных стран, считающие, что вкладывать деньги в ангольскую нефть или алмазы — «заманчивое дело», одним словом, весь смердящий мир современных колониальных

джунглей и действующих в нем пугал. Слово «пугало», пишет журнал «Португиз энд колониал буллетин», издающийся португальскими политическими эмигрантами в Англии, «очень подходит к нынешним правителям Португалии». Эти ничтожества со своими устаревшими представлениями о мире — всего лишь головорезы на службе крупных монополий из так назы-

ваемых «демократических» стран Запада — США, Англии, ФРГ и других. Их цель — сохранить зверскую эксплуатацию народов Португалии и ее колоний.

Только в самой Португалии рептильная пресса поносила «Песню о пугале» и ее автора, как говорится, не стесняясь. В других странах Запада она вызвала ожесточенную полемику — критиков и даже авторов передовых статей. Но дело не только в полемике. Многие театры Запада навязывают драматургии Вайса трактовку, весьма далекую от авторского замысла. Так было в Стокгольме с его пьесой «Дознание» (в Москве ее можно посмотреть в Театре на Таганке), которую ставил известный кинорежиссер Ингмар Бергман. «Мы преследовали разные цели», — сказал о спектакле Петер Вайс. — Бергмана интересовали психологические отношения героев, а это сегодня мне представляется несущественным. Меня занимает социальная сторона.

Драматургию Петера Вайса часто сравнивают с драматургией Брехта. Однако признают,

что стиль 50-летнего писателя, покинувшего гитлеровскую Германию перед войной, обладает своеобразной, присущей только ему силой воздействия на зрителя. Критики отмечают самозабвенную поглощенность Вайса театром, стремление выразить свои идеи в своей форме, экономной и в то же время емкой. «Моя цель — театр физического действия», — говорит Вайс. Взгляд, жест, поза могут выразить авторскую идею в таком театре не меньше, чем слова.

Сценическое экспериментаторство Вайса порождает острые споры. Многие критики прямо указывают, что прямым предшественником «Песни о пугале» является театр Маяковского, в частности «Мистерия-буфф». Это сравнение можно продолжить. Подобно Маяковскому, Вайс смело несет в театр острые социальные темы современности. Сам он считает «Песню о пугале» как бы подготовительным этапом к задуманной им пьесе о Вьетнаме.

М. ЗЕНОВИЧ.

Сцена из спектакля «Песня о пугале».

Фото из журнала «Жён Африк».

Травда, 1967, 18 июня